

THE MAIN FEATURES OF RUSSIAN SPONTANEOUS SPEECH

/study/

Abstract: The article defines the necessity of studying spontaneous speech and its features in comparison with the literary norm of pronunciation. The complexity of the study of spontaneous speech is determined by fuzzy boundaries of language levels, the decreasing of the role of classical linguistic units (phonetic word, syntagma, phrase). The attention of researchers is directed to the study of elementary discursive units as a minimum step, which is advanced by the speaker in the process of generating speech.

The studies in the field of intonation of spontaneous speech consider specific intonational units and their prosodic characteristics, as well as the intonational design of various syntagms and utterances. A significant part of the research is devoted to establishing the dependence of reduction processes in spontaneous speech on the semantic loading, the frequency of words, personal belonging, phrasal-intonational conditions, and also on their character. This article discusses some research methods of spontaneous speech.

Author information:

Elena Aleksieva

 Bulgaria

Keywords:

spontaneous speech, reduction, intonation, prosody, segment structure, perception

Цель исследования:

Целью настоящей работы является представление общей картины основных исследований русской спонтанной речи.

Теоретическая база исследования:

Теоретической базой исследования послужили: общезвучные вопросы и вопросы культуры речи, имеющие отношение к проблемам спонтанной речи (СР) и ее сопоставлению с полным стилем произнесения, характерным для литературной нормы в официальных условиях общения, а также проблем разговорной и устной речи; исследования общих характеристик СР, исследования синтаксиса СР и сегментации речевого потока, некоторые результаты мультимодального подхода к ее анализу и экспериментального исследования СР, в том числе и ее восприятия, лексических маркеров СР, ритмологии и паузологии, слухового анализа и транскрипции, анализ иллюстративных жестов, а также вопросов создания Звуковых корпусов русского языка (Богомазов Г. М. Касаткин Л.Л., Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф., Культура русской речи под. ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева, Васильева Л.А., Тананайко С.О., Шерстинова Т.Ю., Крысин Л.П., Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Венцов А.В., Слепокурова Н.А., Гордина М.В., Зиндер Л.Р., Касевич В.Б., Матусевич М. И., Светозарова Н.Д., Торсуева, Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н., Лаптева О.А., Гришина Е.А., Богданова Н.В.) развития фонетического строя русского языка, Болотова О.Б., Гордина М.В., Зиндер Л.Р., Касевич В.Б., Гейльман Н.И., Касаева З.В., Штерн А.С., Тезекбаева Г.А., Светозарова Н.Д., Андреев, С.В.; Богданова Н.В., Бродт И.С., Ильичёва О.В., Дараган Ю.В., Николаева Ю.В., Кибрик А.А., Федорова О.В., Риехакайнен Е., Нигматулина Ю., Рыко А.И., Степанова С.Б., Кибрик А.А., Подлеская В.И., Ефимова З.В., Коротаев Н.А., Литвиненко А.О., Цуканова В.Л., Молчанова Н. Б.Александрова Л.Г. Бондаренко Л. П., Нигматулина Ю. О., Риехакайнен Е. И., Горлова А., Слепокурова Н., Жабин Д.В., Шерстинова Т.Ю., Кислошук А.Ю., Бондаренко Л. П., Вольская Н. Б., Потёмина Т. А., Чэн Чэнь. В.В. Куканова, О.В. Павлова, Е.М. Сапунова, Суббота И.А., Филиппова Н.С., Хан Н.А., Чуйко В.М., Дараган Ю.В. Николаева Т.М., Николаева Ю.В., Подлеская В.И) и др.

Объектом анализа настоящей работы являются универсальные и специфические для русского языка особенности СР, описанные в исследованиях последних десятилетий.

Предметом анализа являются теоретические описания, экспериментальные (инструментальные) исследования, включительно исследования восприятия СР.

Задачи исследования:

1. Обзор основных особенностей русской спонтанной речи
2. Описание основных характеристик фонетических характеристик спонтанной речи;
3. Описание редуccionных процессов в русской спонтанной речи;
4. Рассмотрение некоторых методов исследования СР

Материал исследования:

Теоретической основой данного анализа послужили вышеперечисленные исследования в области СР.

Как видно только по данным перечисленной далеко не полной литературы, спонтанная речь в последнее время привлекает пристальное внимание лингвистов.

Спонтанная речь как вид устной речи

Объектом исследования лингвистов устная речь стала только в 60-х годах XX века [О.Б. Сиротинина, Е.А. Земская, О.А. Лаптева]. Важнейшей чертой устной речи является её спонтанность, неподготовленность, кроме того, устная речь, в отличие от письменной, является непосредственной: партнёры коммуникации могут видеть реакцию друг друга и учитывать ее. В то время как при создании письменных текстов высказывание в той или иной степени обдумывается и корректируется, в устной спонтанной речи момент продуцирования речи практически совпадает с моментом её обдумывания. Психологические основы планирования устной речи рассматривались Н.И. Жинкиным, отметившим, что в устной речи планирование происходит в коде внутренней речи, в котором большую роль играют зрительные представления и разнообразные схемы. Кроме того, во внутренней речи планируются смысловые вехи развития рассказа. Вместе с тем предварительное планирование не может регулировать конструкцию речи [Жинкин 1998: 201], т.к. на нее влияют психологические факторы (внезапная смена настроения, эмоциональный взрыв, психоэмоциональный тип говорящего), уровень коммуникативной компетенции, отношение к собеседнику. Порождение высказывания, параллельное с обдумыванием формы преподнесения смысла, подбор синтаксической конструкции, подходящего слова, повторы, выбор средств поддержания диалога, паузы, обдумывания свидетельствует о том, что устная/спонтанная речь имеет сознательный характер и включает ориентацию на мир слушателя, прогноз его коммуникативных ожиданий и реакций. Об этом же свидетельствует контроль говорящего над высказыванием, использование поправок и уточнений. Для спонтанной речи характерны включенные конструкции, т.к. говорящий строит свою речь в зависимости от ситуации и следит за вниманием слушающего и его пониманием.

В спонтанной речи носителей языка постоянно происходят нарушения орфоэпической нормы. Изменения, происходящие в современной звучащей русской речи, обусловлены, во многом, динамическими процессами в обществе и требуют постоянного наблюдения и изучения, так как эти изменения или „отклонения“ могут в будущем стать нормой. М. Каленчук, Р. Касаткина пишут: „Мы же в настоящее время являемся свидетелями некоторых еще не описанных сдвигов в отдельных фрагментах как сегментной, так и просодической системы русского языка, наблюдающихся преимущественно в узусе, но иногда уже затрагивающих и сферу нормы. Эти изменения касаются как словесного ударения (места ударения и метрической структуры слова, реализации фонем) так и уровня фразы (фразовой интонации и размещения фразовых акцентов в высказывании)“ [Русская фонетика в развитии... URL]. В лингвистических исследованиях спонтанную речь рассматривают как разновидность устной речи в монологической и диалогической форме, характеризующейся отсутствием

предварительной подготовки, но в некоторых случаях она может представлять собой диалогическую речь с монологическими вставками [Бондарко 2001: 17-23; Васильева, Тананайко, Шерстинова URL; Жабин 2006, Цейтлин 2003]. В ситуации речевого общения спонтанная речь является первичной. Ее яркой особенностью кроме неподготовленности, является функционирование в постоянно меняющихся коммуникативных условиях. Спонтанная речь противопоставляется письменной как неподготовленная – подготовленной, а также подготовленной устной речи. Речевая ситуация может быть официальной и неофициальной в зависимости от обстановки, собеседника и темы. В официальной ситуации речь приближается к литературной норме. Среди факторов, определяющих речевую ситуацию можно выделить:

- сферу общения (академическая, деловая, семейно-бытовая, транспорт, сервис, развлекательная, интимная, массовая коммуникация);
- физическую обстановку (расположение и размер аудитории);
- канал связи (личное общение, телефон, публичное выступление, радио- и телекоммуникация);
- социальную роль (врач - пациент, родитель - ребенок, начальник - подчиненный, продавец - покупатель и т.д.);
- тему беседы (новости, образование, спорт, быт, личные отношения, сплетни);
- цель каждого говорящего (информация, побуждение к действию, произвести впечатление, убить время, развлечь)
- обстоятельства (место, время);
- речевой жанр (доклад, беседа, лекция, бытовой диалог);
- цель общения (что, по мнению участников должно быть результатом общения [Валитова 2010, Колтунова URL]).

С. О. Тананайко и Л. А. Васильева отмечают, что спонтанная речь на всех языковых уровнях – от синтаксиса до фонетики зависит от социальных характеристик говорящих, а в связи с быстро меняющейся социальной структурой современного российского общества получение и изучение новых данных о речевых характеристиках различных социальных групп, произношение которых может рассматриваться как норма или как узус, является чрезвычайно актуальным, поскольку именно спонтанная речь является источником как узуса, так и нормы [Тананайко, Васильева <http://www.gramota.net/materials/2/2008/1-2/38.html>].

Социолингвистический аспект изучения спонтанной речи включает в себя следующие характеристики человека: возраст [Крысин 1974, Ерофеева 2003 и др], пол (гендер) [Горошко 1996, Земская и др. 1981, Богданова 2001], профессия [Наумов 2004], профессиональное или непрофессиональное отношение говорящего к речи, уровень речевой компетенции [Богданова 2006]. Речь взрослого человека характеризуется особенностями речи того поколения, к которому он принадлежит, речь пожилых людей – нормами прошлых лет [Звуковой корпус 2013: 79]. «В речи молодого поколения всегда больше инноваций, в речи старшего – больше слов, выходящих из употребления» [Вахтин, Головкин 2004: 78]. Существуют различия в речи женщин и мужчин. Гендер как социальный фактор, по мнению Е.В. Ерофеевой, преломляется в биологическом и социальном через психологию говорящего [Ерофеева 2003: 127]. На построение речи и выборе лексических средств большое влияние оказывает профессия [Наумов 2004: 244]. Если профессия человека связана с речью, то она организует говорящего, ориентирует его на более строгое отношение к подбору элементов речевых конструкций и к построению высказывания в целом [Звуковой корпус 2013: 84]. Уровень речевой компетенции (УРК) и, соответственно, его речь определяется и такими социальными характеристиками человека как уровень образования, профессиональное или непрофессиональное отношение к речи, а также степень социальной активности личности [там же: 86].

Актуальность и особенности исследования спонтанной речи

Интерес к исследованию спонтанной речи определяется увеличением ее роли в коммуникации, смещением стилей и развитием процессов аксиологизации языка и речи [Дементьева 2011: 74.]. Необходимость подобных исследований живой речи на русском языке

обусловлена также практическими задачами, стоящими в процессе обучения и овладения обучаемыми речью на русском языке, преобладающей в современной устной коммуникации. Ведь обучение русскому произношению даже в современной методике обучения русскому как иностранному, продолжает базироваться на «полном стиле произнесения» [Щерба 1957], что приводит к непониманию живой русской речи.

В исследованиях спонтанной речи часто указывается на трудности ее анализа: «...Сложность анализа неподготовленной речи состоит в том, что при спонтанном порождении речи ее организация на уровне единиц звучащей речи, синтаксиса и лексики отличается от других видов устной и письменной речи, описанной методами лингвистического анализа, что требует разработки иных методов. Еще одна сложность заключается в записи и точности передачи всех особенностей этого вида речи (фальш-старты, самоисправления говорящего, сбои в употреблении грамматических форм и порядка слов, множество «оборванных» отдельных слов/ фраз, повторы и т. д.) с целью выявления механизма, при помощи которого можно описать систему, заключающую в себе объем и специфику спонтанного высказывания говорящего» [Жабин 2006: 4]. Особенностью спонтанной речи является и тот факт, что здесь еще более сложно разграничить даже в исследовательских целях языковые уровни, анализ спонтанной речи так же, как и ее порождение носит нелинейный характер.

Роль классических фонетических единиц в СР

Данные исследований спонтанной речи обнаружили, что роль классических фонетических единиц, характерных для «лабораторной» речи в спонтанной речи практически ничтожна. По данным ряда исследователей, роль фонетического слова в СР значительно меньше, хотя в некоторых случаях можно считать, что некоторые «составные» слова (типа союзов *то_есть* или *потому_что*), образуют целостное фонетическое слово. То же самое происходит и в тех случаях, когда лексическое ударение приходится на предлог или частицу, а следующее знаменательное слово его утрачивает (*не+было, на+дом, на+сторону* и т.п.). Сюда же должны быть отнесены и те акустические реализации словоформ, которые при одинаковом звучании представляют собой разные лексико-семантические единицы: *заработай – за работой, поднос – под нос, навес – на вес* и т.п. [Венцов 2009]. И.Е. Апушкина, А.В. Венцов и Н.А. Слепокурова установили, что 10 односложных предлогов регулярно отделяются паузой от последующего имени, что *противоречит традиционной концепции фонетического слова* [Апушкина, Венцов, Слепокурова 2008]. В отличие от подготовленной тщательной речи, предлог в спонтанной речи при слитном произнесении с последующим знаменательным словом способен образовывать фонетическое слово с предыдущей словоформой [Венцов 2009]. В противовес общеизвестным фактом, что частицы присоединяются к предшествующему слову, в спонтанной речи частицы могут «сливаться» и с последующим словом:

случайных компонентов_из того же интернета_от родителей

[sluče+n*x k*mpan'e+nt*s tavo+ žynt*rne+t*t rad'i+t'el'e(j)]¹

русский ли_он человек

[ru+sk'i l'œ+n čilav'e+k]

Ю. О. Нигматулина и О. В. Раева описывают два варианта звуковой реализации: *зияние*, т. е. сохранение нескольких звуков, и *стяжение*, т. е. сокращение количества звуков. К появлению стяжений располагают: 1) сочетание одинаковых или близких по качеству звуков; 2) отсутствие ударения на гласных сочетания. Стяжения появляются чаще на стыке недлинных частотных слов, (но длиннее одного звука) среди которых оказываются местоимения, предлоги, союзы, частицы и т. д. При слиянии словоформ две лексические единицы делят не только общий звук, но и слог или группу согласных звуков: можно найти [mo+ZnaIt'i+], из уст_взрослых [Qz u+zro+slQx]. Стяжение может возникать между синтаксически тесно связанными словами (например, *не_обсуждаю* [n'e:+psuZdajo:]) и между словами, принадлежащими разным предложениям (например, между простыми предложениями в

¹ Знаком * в транскрипции помечены неидентифицированные экспертами гласные, знак + обозначает ударность предшествующего гласного.

составе сложного: что_есть_семьи_от которых_хочется сбежать куда угодно, даже в школу [StQs':i+m'a:t kado+rox#oI+Cc@ zb'e:ZeI+t' kuda ugo+dn@ da+Z f Sko+lu]) [Нигматулина, Раева 2015]. Возникает проблема поиска других правил сегментации и идентификации конструкций на месте классических фонетических слов еще и потому, что гласный полученный на месте зияния не входит ни в одну из имеющихся в словаре словоформ, а данные о редукации, стяжениях и «выпадениях» гласных в спонтанной речи ставят под сомнение тот факт, что важнейшим опорным признаком идентификации словоформы в процессе восприятия речи является ее ритмическая структура.

Интонационное членение устной и спонтанной речи

Интонационное членение различных видов устной речи изучалось во второй половине прошлого века довольно активно (Л.П.Бондаренко, М.М.Галеева, М.П.Дешевицына, Ю.А.Дубовский, О.Ф.Кривнова, Г.И.Носова, Л.И.Проконова, Н.В.Черемисина, Т.В.Шустикова) Одним из первых диссертационных исследований в области интонации спонтанной речи стала работа Н. В. Бардиной „Синтагма в русской спонтанной монологической речи (экспериментально-фонетическое исследование). Как известно, синтагма является минимальной интонационной единицей, поэтому ее структура и функции закономерно стали предметом исследователей не только с точки зрения ее синтаксической структуры и лексического наполнения, но и специфики ее просодической организации. Привлечение семантики, лексических индикаторов, синтаксических связей наряду с различными видами акцентного выделения и соотношения ударных участков с безударными и изменением частоты основного как и темпа, громкости служит оптимизации исследования и интерпретации полученных результатов. Проведенный в исследовании анализ интонационной и семантической вариативности единиц спонтанного монолога позволил автору определить их основные функциональные типы, на основании чего было установлено, что «Синтагмы - это творческий элемент спонтанной речи, блок, который формируется в данном речевом акте на уровне линейного прогнозирования, на "выходе" может представлять собой "векторное" слово, свободное сочетание слов». Н.В. Бардина установила значительную вариативность интонации синтагмы, которая, по ее мнению, обусловлена степенью ее семантико-синтаксической самостоятельности. Оформление коррелята семантической категории в отдельную синтагму зависит, прежде всего, от фокусировки на нем сознания говорящего. Данный вывод подтверждается функционированием пауз различного типа. Так, в спонтанной неподготовленной речи оказывается нейтрализованным противопоставление логических пауз и пауз хезитации, поскольку все они маркируют стыки психолингвистических единиц. По мнению Н.В. Бардиной, только в некоторых случаях паузы отражают "сбой" на уровне моторного программирования. Это означает, что пауз колебания не так много в «неположенных» местах, обычно они совпадают паузами логического выделения минимальных квантов смысла. Изменения такой просодической составляющей как частота основного тона (ЧОТ) в спонтанной речи подчеркивают автосемантическую/синсемантическую синтагм, их модальную направленность, указывают на значимость семантических категорий в порождении высказывания, свидетельствуют о взаимодействии семантики разных слов, выступают в роли компенсаторов грамматически ущербных конструкций (там же URL). Основной вывод, сделанный в результате проведенного исследования подчеркивает, что синтагматическое строение спонтанной речи (монолога) отражает процесс формирования мысли. [Бардина <http://www.dissercat.com/content/sintagma-v-russkoi-spontannoi-monologicheskoi-rechi-eksperimentalno-foneticheskoe-issledovan#ixzz5Hf2Vm P00>]. Последующие работы подтвердили *нарушение общепринятых правил синтагматического членения* в спонтанной речи [Вольская 2005: Венцов, Слепокурова, Снюгина 2011: 13, Комовкина 2010 и др.].

Минимальные кванты устного дискурса. Элементарные единицы устного дискурса

Факты, констатирующие **нереальность синтагмы и предложения как единиц спонтанной речи**, направили внимание лингвистов на выделение минимальных квантов устного дискурса. С.В. Андреева предложила в качестве наименьшей структурной единицы синтаксиса устной речи принять конструктивно-синтаксические единицы (КСЕ), которые, с ее

точки зрения, позволяют «охватить как предложенческие, так и непредложенческие, как предикативные, так и непредикативные речевые факты» [Андреева 2005: 9]. При анализе текстов Звукового корпуса русского языка, А. И. Рыко и С.Б. Степановой был проведен перцептивный эксперимент по членению спонтанных монологов на предложения. Анализу подвергались стратегии экспертов, принимавших участие в эксперименте. При этом оказалось, что испытуемые реализуют различные стратегии, которые авторы условно назвали «максималистской» и «минималистской». При реализации «максималистской» стратегии в качестве предложений выделяются длинные, многосинтагменные структуры (бессоюзные, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения). При следовании «максималистской» стратегии испытуемые ориентировались на письменный текст и отталкивались, в первую очередь, от синтаксической структуры, игнорируя интонацию. «Минималистская» стратегия позволяет провести границу везде, где только это можно сделать: два и более простых предложений вместо одного бессоюзного сложного, ряд простых предложений с эффектом парцелляции вместо сложноподчиненных и сложносочиненных. Авторы делают вывод о том, что «минималистская» стратегия предполагает ориентацию на интонацию текста, допуская расширение набора возможных синтаксических структур. В качестве границы между предложениями использовались *смена плана повествования (переход от общего рассуждения к рассказу о конкретных событиях); «авторское резюме»: переход от частного к общему (как правило, включающее оценку событий говорящим с лексическими показателями – словами с обобщающим значением (то есть, ну в общем, ну, ну там, короче, ну знаешь, получилось, ну так); «смена сюжета»* - подобный переход отмечается пограничными маркерами (*ага, ну и вот, так вот, причем (= «с другой стороны»)*) [Рыко, Степанова URL <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/68.htm>]. В ходе исследования были установлены формальные границы границ высказываний и формальные показатели границ, в качестве которых выступают пограничные начальные и финальные маркеры (*вот, как бы, ага, ну и вот*). При использовании интонационного критерия испытуемые использовали различные стратегии, но ведущим оказалось понижение основного тона. Если такое понижение совпадало с семантико-синтаксическими критериями, эксперты принимали решение о конце высказывания [там же].

Среди наиболее перспективных направлений исследования спонтанной речи является мультимодальная лингвистика, которая рассматривает вербальную форму устного дискурса вместе с просодическими и жестовыми явлениями, входящими в состав устной коммуникации, подготовив таким образом когнитивный анализ дискурса.

Множество исследований спонтанной речи показывают, что распознавание речи на основе только фонетических характеристик звукового потока невозможно. При восприятии речи человеком происходит опора на семантико-грамматические конструкции. В соответствии с «грамматикой конструкций», основными единицами языка являются не отдельные словоформы, а их некомпозиционные сочетания, обладающие уникальными наборами фонетико-просодических, грамматических и семантико-прагматических свойств. Предполагается, что конструкции усваиваются при овладении родной речью в онтогенезе в виде целых сущностей, а отдельные слова и словоформы оказываются при таком подходе лишь «точками пересечения» разных конструкций [Лингвистика конструкций 2010]. Интегративный подход к анализу речевых актов с позиций когнитивной лингвистики осуществляет *когнитивный анализ дискурса*. Он характеризуется тем, что факты речевой деятельности исследуются с позиций ряда наук, включая анализ звучащей речи и особенно интонации, как знакового уровня языка. Базовое понятие, вокруг которого строится локальная структура дискурса – это понятие элементарной дискурсивной единицы (ЭДЕ). ЭДЕ представляет собой минимальный шаг, на который за один раз продвигается говорящий в процессе порождения речи. Когнитивный анализ дискурса подразумевает описание этой единицы параллельно на нескольких уровнях (физиологический, когнитивный, семантический, грамматический и просодический). ЭДЕ выделяются прежде всего на просодических основаниях, а с когнитивной т. зр. в одной ЭДЕ вербализуется один фокус сознания. ЭДЕ состоят из 2, 3 или 4 (53% корпуса), а объемом до 5 слов – 81% всех ЭДЕ

в корпусе [Кибрик 2015: 606-608]. Здесь же рассматриваются и единицы более высокого иерархического уровня – предложения, границы которых также маркируются просодическими сигналами. Анализ невербальных сигналов помогает определить какие ЭДЕ говорящий объединяет в предложения (место создания жеста, конфигурация рук, траектория и направление движения), а также содержательные индикаторы (референты, место и время действия) и характеристики. Таким образом учитывается частичная координация между различными компонентами мультимодального дискурса [Николаева, Кибрик, Федорова URL <http://multidiscourse.ru/data/pub/nikolaeva%20et%20al%20dialog%202015.pdf>].

Элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ) [Подлеская, Кибрик 2004: 1] вербализуют "фокус сознания" говорящего, т. е. совокупность информации, которую селективное человеческое сознание может одновременно удерживать в активном состоянии [Кибрик и др. 2008: 1]. Типичная ЭДЕ может совпадать по объему с предикацией (элементарным предложением)» [там же], а по мнению С.Б. Степановой – и с синтагмой. ЭДЕ идентифицируются на просодических основаниях (наличие единого тонального контура, одного главного акцента, темпового и громкостного паттернов, а также паузации). С семантико-синтаксической точки зрения *прототипическая ЭДЕ* представляет собой *клаузу (предикацию)*, но в некоторых случаях ЭДЕ может быть меньше или больше клаузы. Меньшим, чем клауза являются регуляторные ЭДЕ. В качестве примера регуляторных ЭДЕ авторы приводят «актуализаторы», например, *да/нет*, а одной из функций этого класса указывают «эшелонизацию» потока речи, периодически запрашивая у адресата подтверждение, что соответствующая информация поступила своевременно и понята правильно [там же].

Синтаксическая структура спонтанной речи. Интонация и просодия.

Ряд работ последних лет в области интонации спонтанной речи посвящен конкретным интонационным типам, связанных с элементами синтаксиса и их семантикой. В одном из таких исследований – «Интонация перечисления в русском языке» Т.Е. Янко показала, что интонация перечисления имеет целый ряд интонационных реализаций, которые зависят от дискурсивного контекста. Автором были детализированы типы этих контекстов и показано, что дискурсивный смысл перечисления комбинируется с иллокутивными (создающими речевой акт, такими, как тема и рема) и дискурсивными (создающими связный дискурс) значениями, а также рассмотрены конкретные типы интонационных конструкций, которые соответствуют этим комбинациям значений. Полевой принцип исследования способствовал выделению ядерных и периферийных реализаций интонации перечисления и установлению характера интонационных конструкций, соответствующих этим речевым реализациям. Таким образом были выделены кроме классических реализаций интонации перечисления, составляющих основной, типичный массив и такие, которые находятся на периферии интонационной системы [Янко URL <http://www.dialog-21.ru/media/3962/yankote.pdf>].

Важность исследования интонации спонтанной речи видна по тем вопросам, при решении которых она является наиболее весомым фактором. Например, именно исследование интонации (или ее компонентов) определяет, является ли предложение единицей устной/спонтанной речи. Так, А.А. Кибриком и В.И. Подлеской было проведено исследование спонтанной речи, с целью определения просодической границы предложения. Кажущийся не подлежащим спору критерий падения основного тона, оказался нерелевантным в ряде наблюдаемых ЭДЕ. Предполагалось, что ЭДЕ с нисходящим несущим акцентом завершает предложение, в то время как ЭДЕ с восходящим несущим акцентом являются нефинальными. Однако анализ движений основного тона (одного из составляющих интонации) показал, что существуют различные виды нефинального падения основного тона, в том числе и в середине слова. В тех случаях, когда имеет место вставка, поэтапное падение и так называемое «неуверенное» падение основного тона, оказывается невозможным определить, является ли предложение завершенным. Применение просодических критерии, которые различают финальное и нефинальное падение основного тона, предоставило возможность доказать, что *понятие предложения, хотя и применимо к устному дискурсу, является довольно расплывчатой категорией и не может считаться базовой единицей языка*. Предложения

оказываются полезными в качестве промежуточного узла, потенциально более крупного, чем ЭДЕ, но более мелкого, чем эпизод. Таким образом, анализ интонации спонтанной речи способствует интерпретации языковых явлений с позиций когнитивных процессов (порождения речи в реальном времени, планирование, автомониторинг и т.д.) [Кибрик, Подлеская 2006].

Синтаксическая структура спонтанной речи тесно связана с просодией и интонацией. Так сегментация устного дискурса на ЭДЕ производится на просодических основаниях. ЭДЕ имеет единый контур частоты основного тона; основной акцентный центр, обычно расположенный на реме; характерный громкостный паттерн: затихание к концу; характерный темповый паттерн: ускорение в начале, замедление к концу, характерный паттерн паузации: пауза сопровождает планирование ЭДЕ и отсутствует внутри ЭДЕ [Кибрик, Подлеская (ред.) 2009: 57 и сл.] Выделяются прототипические ЭДЕ, в которых хорошо скоординированы физиологические, когнитивные и семантические характеристики: они произносятся на одном выдохе, отражают один «фокус сознания» описывают одно событие/состояние.

Темп спонтанной речи

Темп является важной характеристикой СР. Темп – это частота, скорость произнесения фразы или ее элементов.

Средний темп речи варьирует около 130 слов в минуту, но может меняться в зависимости от социальной роли говорящего, условий речевой ситуации, от уровня речевой культуры, компетенции собеседников, а при монологической речи – от количества слушающих и других факторов. По мнению Н.Д. Светозаровой, о темпе речи можно судить двояким образом:

- 1) по среднему звучанию некоторой лингвистической единицы;
- 2) по количеству лингвистических единиц, появившихся в единицу времени [Светозарова 1988: 216]

В ряде последних исследований указывается, что самым эффективным является показатель количества слогов в секунду. По данным С.Б. Степановой средний темп говорящего – носителя русского языка равен 5,31 слога в секунду, при этом для разных информантов средний темп речи менялся от минимального – 3,6 слога в секунду до 6,7 слога в секунду в зависимости от влияния возрастного и гендерного факторов [Степанова 2011: 206]. Как быстрая, так и слишком медленная речь считаются отклонением от нормы. В простых предложениях обычно реализуется простой темп, а в длинных высказываниях, со сложными грамматическими структурами и многосложными словами, сложный темп, который характеризуется резкими замедлениями или ускорениями. В спонтанной речи сложный вид темпа встречается и в простых высказываниях, причем замедления темпа связаны с семантической нагруженностью отдельных сегментов и, наоборот – ускорения темпа – с малой информативностью отдельных участков звуковой цепи. В сравнении с чтением темп разговорной речи несколько замедлен, что связано с неподготовленностью речи: обдумывание происходит как бы параллельно с речью. В спонтанной речи встречаются растяжки слогов и слов при выражении неуверенности и при эмфазе, а контрастные темпоральные переходы делают речь подвижной и выразительной [Бондарко, Вербицкая, Гордина и др. 1974, №2: 64-70]. В ряде исследований была обнаружена зависимость темпа речи от пола (женщины говорят несколько медленнее мужчин, от возраста – с возрастом темп речи становится медленнее, а также, что немаловажно, – от уровня речевой компетенции говорящего – более высокий темп речи характерен для людей с невысоким уровнем речевой компетенции [Богданова, Степанова, Шерстинова 2011, Stepanova 2013]. Делались также попытки установления зависимости темпа речи от психологических характеристик человека [Метлова 2014].

Ритм спонтанной речи

Ритм речи определяется Л.И. Тимофеевым как результат закономерного повторения каких-либо однородных элементов речи, характер которых определяется составом данного языка. При этом в качестве единиц речевого ритма автор считает слово или группу слов, отграниченную от последующих при помощи интервала – сильной паузы – соизмеряющиеся с другими единицами, благодаря повторению однородных словесно-звуковых особенностей

[Тимофеев 2013]. Несмотря на то, что ритм характерен для деятельности человеческого организма, в том числе для дыхания, которое напрямую связано с организацией речи, некоторые исследователи отрицают ритмичность разговорной/спонтанной речи, считая, что «в разговорной речи мы встречаемся лишь с элементами ритма» [Бобров 2013]. И.Г.Торсуева, определяя речевой ритм как «одно из проявлений фундаментальной закономерности природы, ее ритмичности», отмечает, что ритм «наиболее ярко выражен в стихотворных текстах, наименее – в спонтанной диалогической речи» [Торсуева 1990: 416]. Подобная точка зрения, без сомнения, свидетельствует о недостаточной изученности речевого ритма. Двойственную особенность речевого ритма подчеркивает Н. В. Черемисина-Ениколопова: «Как элемент звучания речевой ритм опирается на физиологические основы, на ритм дыхания. Как элемент формы речи, выполняющей коммуникативную функцию, ритм соотносится со смыслом» [Черемисина-Ениколопова 1999: 39]. Периодичность речи на фонетическом уровне обеспечивается сегментными и просодическими факторами. К сегментной или звуковой периодичности относится чередование согласных и гласных, повторение одинаковых звуков (аллитерация, ассонанс) или группы звуков и т.д. К просодическим относится периодичность употребления определенных тонов, акцентных структур, мелодических контуров и т.д. [Черемисина 1969б]. Ритмическая организация спонтанной речи характеризуется большой сложностью и динамичностью. При этом комбинации простого и сложного ритма образуют подвижный ритмический рисунок. Именно это обстоятельство дает основание некоторым исследователям говорить о неритмичности речи.

Хотя ритм спонтанной речи не настолько очевиден и, несомненно, более разнообразен и гибок, чем ритм при чтении или в стихотворном тексте, их базовые единицы сходны. Результаты психолингвистических и фонетических экспериментов показывают, что существует многоуровневая временная решетка, в которой слог выступает в качестве минимальной единицы моторной деятельности (средняя длительность слога равна приблизительно 200 мс); затем следует более высокий уровень в виде ритмической группы (стопы, акцентной группы), синхронизированной с пульсом человека (ее длительность колеблется в диапазоне 400 - 600 мс); над ней находится интонационная группа (синтагма, фраза), синхронизированная с периодом дыхания (около 2 - 3 с). Длительность темы (сверхфразового единства) равна приблизительно 30 с. [Филиппович URL]. Н.В. Богданова-Бегларян, Т. Ю. Шерстинова и А.Ю. Кислощук в своем исследовании ритмообразующих средств русской спонтанной речи пришли к выводу о том, что русской спонтанной речи свойственна тенденция к изохронности структурных составляющих речевых единиц, при этом важное значение для обеспечения ритмических, в том числе и изохронных шаблонов повседневной русской речи имеют дискурсивные единицы: добавляя в речевой поток один или несколько слогов, они способствуют структурному и временному «выравниванию» соседних звуковых сегментов [Богданова-Бегларян, Шерстинова, Кислощук 2013 <http://rfp.psu.ru/archive/2.2013/bogdanova.pdf>].

Пауза в спонтанной речи

Пауза является неотъемлемым компонентом интонации. Вместе с тем, по мнению Н. Б. Вольской, это один из наименее изученных ее аспектов [Вольская 2004: 1 29]. Согласно Л. Р. Зиндеру, паузу можно понимать как: 1) прекращение звука, 2) перелом в мелодике («психологическая» пауза), 3) паузу «хезитации», при которой возможно и наличие звучания. [Зиндер, 2007: 315]. Пауза, согласно ученому, нужна для отделения синтаксических единиц друг от друга, выделения характера связи между ними и передачи эмоциональных оттенков предложения. [там же]. В работах большинства современных авторов, предметом исследования которых является спонтанная речь, уделяется внимание функциям пауз хезитации, отвечающим за планирование и селекцию синтаксических единиц [Блохина 1983: 62]. Под паузой хезитации понимается: „пауза нерешительности“, „размышления“, „обдумывания“, которые могут быть незаполненными и заполненными. Незаполненная пауза хезитации представляет собой перерыв в звучании. заполненные паузы хезитации вокализованы, они представляют собой либо удлинение звука ([э-э], [м-м], [гм]) либо затягивание звучания («я там был ка-а-ажется в среду»).

„Материалом“ для заполнения пауз в спонтанной речи могут послужить слова-паразиты („типа“, „так сказать“, „значит“, „ну“, „как бы“, „это“, „вот“, „этот“, „получается“, „как-то“, „както так“ и др.). А.А. Белицкая приводит и паузы заполненные более длинными сегментами – вставными фразами, обращенными к адресату или самому себе, поддерживающие непрерывность общения („как я уже говорил/говорила“, „вы знаете“, „видите ли“, „представляешь“ и др.); непреднамеренные повторения, в том числе частичные: „это **бы** было“), полное повторение слова («он *построил построил* новый дом“, она указала *ему ему* на дверь“), повтор целого словосочетания («это было *на летних каникулах на летних каникулах* в деревне»); невербальные паузы колебания – покашливания, вздохи, смех, цоканье языком; самопрерывания, в том числе рестарты – повторные начала («*общ...* общение с начальником»), и фальстарты – неудачные начала («не *афиш*. с глазу на глаз поговорить»); незаконченные высказывания, в которых смысл, необходимый для коммуникации, невозможно извлечь ни из контекста, ни из ситуации, ни из фоновых знаний говорящих [Белицкая URL <http://philology.snauka.ru/2014/02/697>].

Перебивы и повторы в спонтанной речи

В спонтанной речи часто встречаются *перебивы* [Звуковой корпус 2013, Наумов 2004 и др.]. Перебив обычно рассматривается как показатель прерывности устной спонтанной речи (в особенности диалогической), её политематичности, когда говорящий не заканчивает фразу или слово, «перескакивает» с одной темы на другую, тем самым перебивая самого себя [Звуковой корпус 2013:142]. *Повторы* в современной спонтанной речи имеют большое значение и не раз являлись объектом исследования лингвистов. В «Фонетике спонтанной речи» анализированы повторы в спонтанном научном монологе. В работе «Звуковой корпус как материал для анализа русской речи» повторы рассматриваются на материале пересказов текстов, описаний изображения, свободных рассказов. Повторы встречаются исключительно в устной речи и квалифицируются как «внутрифразовые абсолютные лексические повторы, функционально неоднородные, обусловленные устным характером речепроизводства» [Светозарова 1988: 172]. *Повторы-хезитации* необходимы для создания прагматической установки и способствуют развёртыванию диалога.

Вариативность фонетических характеристик спонтанной речи

Фонетические характеристики звуков в спонтанной речи обладают большей вариативностью по сравнению с литературным языком. [Бондарко и др. 1988: 6-7]. Спонтанная речь больше ориентирована на смысл высказывания, по этой причине содержит больше участков неполного произнесения, характеризуется ослаблением артикуляции звуков в сравнении с подготовленной речью, или же чтением. В потоке речи звуки претерпевают различные модификации. Как известно, фонемы реализуются в виде своих аллофонов, которые также характеризуются вариативностью. Частичные или полные изменения артикуляции звуков называются ассимиляцией. Типичны для спонтанной речи ярко выраженная редукция, ослабление и полное выпадение согласных, уменьшение контраста между гласными и согласными [Светозарова 2001: 9-10]. Кроме перечисленных особенностей, на фонетическом уровне происходит чередование сегментов неполного типа, полного и сверхполного типа произнесения, при этом используются такие фонетические средства как градация фразового ударения, паузация, динамические, высотные и темповые контрасты, в результате чего происходит удлинение гласных, форсирование согласных, послоговое произнесение и повторы слов и словосочетаний [Светозарова 2011:11]. Другой важной характеристикой спонтанной речи на сегментном уровне являются различия в редукции безударных гласных. По данным О. Б. Болотовой, относительная длительность предударных гласных по сравнению с ударными в среднем больше при чтении, чем в спонтанной речи, т.е. для спонтанной речи характерна большая степень количественной редукции предударных гласных [Болотова 2011:51]. В исследовании этого автора приводятся и интересные данные относительно длительности ударного гласного: в спонтанной речи длительность ударного гласного может сокращаться [там

же: 52]. Эти и ряд других наблюдений привел автора исследования к выводу о том, что изменения сегментной структуры слова (конкретно длительности гласных) в спонтанной речи приводят к нарушению акцентно-ритмической структуры слова [там же: 53]. Предельное выражение количественной редукции выражается в полной редукции, которая, по данным Н.И. Гейльман, реализуется в эллипсисе около 5% согласных и 3% гласных [Гейльман 1988: 68]. Полная редукция гласных, по результатам данного исследования, происходит в первых заударных слогах, в позиции между одинаковыми по качеству, либо месту и способу образования согласными: никакого [н'икковл], делала [д'еллл] [там же: 73]. Чаще всего, как подчеркивается в данном исследовании, выпадают гласные в позиции после мягких согласных или же между ними. Сильное влияние мягкости на эллипсис гласного обуславливает частотное выпадение гласных даже в первом предупредном слоге. Так же, как и в большинстве других исследований спонтанной речи, Н.И. Гейльман отмечает, что эллипсис гласных и согласных происходит чаще всего в малоинформативных безударных словах и в конце фразы. Если изменение безударных гласных обуславливает их общий сдвиг к центру артикуляторного треугольника, то изменения согласных характеризуются большим разнообразием [там же: 77].

Моделирование процессов восприятия спонтанной речи

В связи с интересом к фонетике звучащей речи необходимо было решить проблему моделирования процессов восприятия речи. Для создания функциональной модели процессов восприятия устной речи были разработаны алгоритмы преобразования непрерывного речевого сигнала в дискретную последовательность адекватных лексических единиц. Процесс такого преобразования включает операцию сегментации непрерывного речевого потока и идентификацию выделенных сегментов с лексическими единицами языка и достигается это обращением к внутреннему перцептивному словарю носителя языка [Касевич и др. 2000, цит. по Венцов, Слепокурова URL], представляющему собой нижний иерархический уровень ментального лексикона. Предполагается, что в перцептивном словаре носителя языка содержатся словоформы, записанные в виде цепочки символов, приблизительно совпадающие с символами алфавита фонетической транскрипции, предназначенного для отражения аллофонного варьирования фонем в звучащей речи. Возможно, в этом словаре содержатся также ставшие широко употребительными редуцированные варианты некоторых словоформ [16]: *щас* (сейчас), *сёдни* (сегодня), *чё* (что), *здрасьте* (здравствуйте), *пасиба* (спасибо) и т.п. [там же].

Авторы отмечают, что «искажения «нормативного» фонетического облика словоформ оказались особенно характерными для гласных: в некоторых местах речевой цепи появляются звуки, акустические характеристики которых никак не соответствуют правилам прескриптивной транскрипции, гласные в отдельных словоформах искажаются по законам вроде бы чуждого русской фонетике сингармонизма, а иногда и вовсе «выпадают», причем последнее случается даже в ударных слогах [Венцов, Слепокурова, Риехакайнен 2011:169-179]. Опыт работы со спонтанной речью показал также, что нередки случаи, когда на месте второго предупредного и заударных произносятся гласные полного образования, а на месте первого предупредного и даже ударного звучат гласные совсем иного качества ([e] вместо [a], [u] вместо [o], [i] вместо [e] после мягкого). Вместе с тем, „описанные «искажения» в акустической картине сигнала не создают затруднений при восприятии спонтанной речи: видимо, носители языка способны восстанавливать подобные утраты в сегментном составе словоформ. Можно даже предположить, что система восприятия может обходиться без достоверной информации о фонемном качестве гласных, ограничиваясь лишь констатацией факта их существования в анализируемом сигнале, т.е. опираться при лексической интерпретации акустической речевой волны на значительно менее вариативные свойства консонантного «скелета» словоформ“ [там же].

Нехарактерным признаком для выделения ударного слога в русской спонтанной речи оказалась длительность. Исследования показали, что ошибки в определении места словесного ударения могут быть успешно компенсированы путем учета контекста и частотности

соответствующих словоформ [Венцов 2010], а в экспериментах с речеподобными стимулами [Федорова 1971] было показано, что при равной длительности гласных одинакового качества превышение интенсивности одного из них на 3-5 дБ приводит к практически безошибочной идентификации такого гласного как ударного. Есть основания полагать, что эффекты подобного рода могут оказаться не чуждыми и спонтанной речи. Данные экспертных оценок ударности/безударности в потоке спонтанной речи свидетельствуют о том, что ударение в полнозначных и естественно звучащих словоформах может отсутствовать или приходиться не на «тот» слог, что также свидетельствует о том, что для определения роли словесного ударения в восприятии спонтанной речи нужны кропотливые дополнительные исследования, связанные с речевой просодикой [Венцов URL].

Языковая экономия и избыточность спонтанной речи

Для спонтанной речи характерна как языковая экономия, так и избыточность. «Основополагающими тенденциями при порождении устного спонтанного текста, – пишет Н.В. Богданова-Бегларян, являются *принцип экономии* и *принцип избыточности*, неотделимые от самого понятия естественного языка. Закон экономии работает на всех языковых уровнях (фонетическом, лексическом и синтаксическом), он связан с прогрессивным характером языкового развития в целом и имеет двойственный характер: лингвистическая экономия, являясь, по сути, деструктивной, оказывается, в то же время, и созидательной, что особенно хорошо видно на «оси речи» ... Однако на текстовом, дискурсивном, уровне нашей устной речи обнаруживаются явления диаметрально противоположного толка: абсолютно неэкономное расширение, приращение звуковой формы без всякого приращения смысла – здесь работает *принцип избыточности*, объясняемый, в частности, тем, что говорящий вынужден в условиях временного дефицита решать сразу две задачи – обдумывать речь и собственно говорить. В результате он с неизбежностью вербализует весь процесс порождения текста, включая поиск слова, разного рода хезитации (колебания), самокоррекцию и проч.... Одновременное действие обоих законов приводит к тому, что, акцентируя наиболее значимые объекты и цели своей речи, говорящий уделяет меньше внимания тем, которые представляются ему менее значимыми. При этом менее значимое может как сокращаться до нуля (языковая экономия), так и разрастаться до объемной бесформенной массы (языковая избыточность) [Богданова-Бегларян URL]. На основе данных спонтанной речи доказано, что избыточность – это базовое (в силу функциональной значимости) свойство воспринимаемого и порождаемого текста. При порождении устного высказывания говорящий опирается на вероятность появления определенных единиц вслед за уже озвученными. Об этом свидетельствуют сбои при порождении высказывания, допускаемые в случаях, когда грамматическое маркирование предшествующей единицы оказывается ненадежным, амбивалентным. Такое явление наблюдается в устной речи носителей русского языка при порождении адективных словосочетаний, включающих адективы в одной из падежных форм, омонимичных в адективной парадигме [Сизова URL <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-izbytochnosti-grammaticheskogo-markirovaniya-dlya-protsesov-porozhdeniya-vyskazyvaniya>]. В качестве одного из средств, «работающих на избыточность» Н.В. Богданова-Бегларян называет единицы, которые вербально заполняют паузу хезитации в устной речи (лишние слова, пустые лексемы, слова-паразиты и т. п., при этом она предлагает для них новый термин «вербальные хезитативы» (ВХ), поскольку именно вербально выраженная хезитация является универсальной функцией этих единиц в речи. Кроме хезитационной функции они выполняют в речи еще множество других функций: дискурсивную, поисковую, метакоммуникативную, ритмообразующую, функцию маркера самокоррекции и некот. др. [Богданова-Бегларян <http://www.dialog-21.ru/media/1228/bogdanova-begliariannv.pdf>].

Редукционные процессы в спонтанной речи

Если к общим характеристикам спонтанной речи можно отнести: фальш-старты, самоисправления говорящего, сбои в употреблении грамматических форм и порядка слов,

множество «оборванных» отдельных слов и фраз, повторы, оговорки, недомолвки, запинания, то к отклонениям на фонетическом сегментном уровне можно отнести бо́льшую редукцию безударных гласных, значительную ассимиляцию согласных, следствием чего становятся выпадения (редукция) звуков, особенно, в конце слова. Иногда при выпадении одного или нескольких звуков создаются необычные сочетания звуков [Щерба, 1957, Матусевич 1976: 11-14, Бондарко, Вербицкая и др. 1988: 7-8, Богомазов 2001:236, Кодзасов, Кривнова 2001: 378]. Часто при выпадении гласного количество слогов и общая длительность слова не изменяются, причем компенсаторная длительность может быть обеспечена удлинением согласного [Касаткин 2003: 166-168].

Как показали многочисленные исследования фонетической структуры спонтанной речи, для нее характерны различные редукционных процессы, затрагивающие сегменты различной длительности: «чаще всего встречается выпадение одного звука (57,6%)», полная количественная редукция затрагивает два звука в 31,5% случаев, выпадение трех и более элементов характерно для 10,9% словоформ. При этом выпадения характерны прежде всего для компонентов заударной части слова [Риехакайнен 2010: 93]. Выпадение звуков в предупредной части словоформы происходит только в 7,4% случаев (332 словоформы) [Горлова, Слепокурова 2012: 15]. Результаты исследований А. Горловой и Н. Слепокуровой, показали, что полная редукция (эллипсис) гласных наблюдается в 39% случаев (129 словоформ: сегодня [s'voI+n'i]), полная количественная редукция одновременно нескольких звуков характерна для 20% случаев (66 словоформ; например, говорит [geI'r'i+t]), а выпадение согласных является наиболее частотным и отмечается в 41% случаев (137 словоформ); в 83% случаев согласный выпадает из группы согласных (например, *систему* [s'is'e:+mo]) [Горлова, Слепокурова 2012: 18]. Чаще утрачиваются смычные согласные [t], [d] и щелевые [f], [v], а сонорные согласные выпадают реже, чем шумные, в интервокальной позиции чаще выпадают мягкие согласные» [там же: 18–19]. В некоторых случаях в потоке речи происходит стирание границ между словами, если на стыке двух любых слов оказываются два гласных или два согласных звука, другими словами, происходит стяжение [Розенталь 2008 и др.]. Большинство «стяженных» гласных в составе бессмысленных фрагментов естественного речевого сигнала распознаются испытуемыми как один звук [Риехакайнен и др. 2011]. Стяжения гласных происходит и на месте зияний внутри слов [Захаров 2003]: два гласных заменяется одним гласным другого качества. Благодаря принципу избыточности, распознавание речевого сигнала (часто сильно модифицированного и редуцированного) в условиях естественной коммуникации может осуществиться благодаря наличию широкого семантического, грамматического и ситуационного контекста. Как отметила Е.И. Риехакайнен, „само наличие этого контекста возможно только в силу того, что часть акустического сигнала не подвергается редукции, и именно на нее опирается слушающий при соотнесении воспринимаемого им сигнала с единицами своего ментального лексикона. В качестве неких „островов надежности“, по мнению автора статьи, функционируют согласные, которые в спонтанной речи подвергаются меньшим изменениям, чем гласные [Риехакайнен 2009 и др.], и, опираясь на которые, слушающий осуществляет сличение входного речевого сигнала с элементами своего внутреннего словаря. Кроме того, по мнению автора, „на роль «островов надежности» могут претендовать целые словоформы – те, которые по каким-либо причинам не подвергаются редукции в спонтанной речи.

Результаты исследования, проведенного на материале Частотного словаря словоформ русской спонтанной речи, созданного на основе Речевого корпуса, [Венцов и др. 2013], показали, что наиболее частотными среди тех словоформ, которые не подвергаются редукции, оказались двусложные словоформы (34 из 79, но наиболее устойчивыми к редукции являются все же односложные словоформы. С точки частеречной принадлежности, наиболее частотными в проанализированном материале оказались существительные (45,6 % от всех словоформ), далее следуют глаголы (20,3 %) и местоимения (16,5 %), прилагательные же являются наиболее редкими среди всех знаменательных частей речи. Другим фактором может быть частотность словоформы в русской речи, которая влияет на фонетический облик словоформ в спонтанном тексте: «островами надежности» в фонетическом плане с большей вероятностью окажутся те

словоформы, которые имеют низкую частотность в тексте. Автор делает предположение о том, что частотность является более значимым фактором, чем количество слогов и частеречная принадлежность [Риехакайнен URL file:///C:/Users/User/Downloads/riekha-14.PDF].

Другие фонетические исследования показали, что чаще, чем гласные, выпадают согласные [Гейльман 1988б:77]: если у гласных изменения происходят в 8,2% случаев, а выпадение в 2% случаев, то изменения происходят у 17,8% согласных, а выпадения – у 5%. В исследовании Л. Г. Александровой было показано, что изменения происходят у 29,4% согласных, причем в частотных словах полное выпадение согласного происходит в 18,4% случаев, а случаев полного выпадения гласного – всего 7%. Эти различия в данных могут объясняться как подбором дикторов, так и материалом исследования. Известно, что в частотных словах случаи выпадения звуков и слогов и даже сегментов слова более распространены [Александров 1988: 122-123]. В некоторых исследованиях приводится частотность выпадения согласных, но их данные противоречивы. Так, по результатам исследования Р. Уллакононой [Уллаконоя URL 2005: 78], наиболее часто выпадающий согласный – это согласный [в], по мнению других авторов, таким согласным является [j] [Болотова 2001].

В работе Р. Уллакононой содержится информация о частотности выпадения/редукции целых слогов. По ее данным, выпадения слогов встречаются чаще всего в позиции конца слова, но встречаются и середине слова (как правило в середине многосложных слов) и в позиции начала слова, где часто происходит эллипсис безударного гласного, например: университет [ün'er's'it'et] рассказывать [rask'ze] обстановка [pstlno:fk³] [Уллаконоя 2005: 70-71].

Н.А. Ширяев считает наиболее частотными процессами в устной речи можно считать редукцию гласного в первом заударном слоге, а в области согласных – упрощение групп согласных [КРР URL 1998]. В работе приводится множество примеров с выпадением отдельных звуков и слогов, затрудняющих обучение иностранцев русскому языку и произношению в частности: *щас* (сейчас), *ваще*, *вааща* (вообще), *тыща* (тысяча), а также имена и отчества: *Пална* – (Павловна), *Палыч* (Павлович), *Саныч* (Александрович), *Виктрыч* (Викторович). К этому можно добавить различные случаи выпадения в сочетаниях имен и отчеств как: *МарьПална* (Мария Павловна), *АнВанна* (Анна Иванова), *ЯкЫваныч* (Яков Иванович) и т. д. не менее частотным явлением, свидетельствующим об интенсивности редукционных процессов в русском языке являются выпадения окончаний прилагательных, что затрудняет родовую идентификацию, согласующегося с ним существительного: *новое окно* [но'вйъ лкно] и *новая земля* [но'вйъ з'имл'а'].

Особый интерес представляет коллективная монография *Русская фонетика в развитии. Фонетические отцы и дети 21 века* [Русская фонетика в развитии 2017]. Авторы устанавливают зависимость редукционных процессов от фразовых позиций. Фразово-интонационные условия реализации слов в потоке речи) делятся на сильные, гиперсильные (темпоральные и вопросительные, включающие в свою структуру восходящие тоны) с одной стороны, и – теньевые, с другой. При наличии в высказывании тематической и рематической групп в каждой из них выделяются слова, отмеченные акцентами – топиком (акцент, маркирующий тему) и фокусом (акцент, маркирующий рему. Позиции с этими акцентами являются сильными. Безакцентные, теньевые участки высказывания – это слабые фразовые позиции. В каждом высказывании есть один или несколько фокусов, а наличие топика факультативно. Далее приводятся примеры, из которых видно, что выделение топика (вместе с тематической группой) зависит от выделения/невыведения группы в отдельную синтагму, например:

1. *Все общество* (Т) *расположилось в саду* (F).
2. *Все расположились в саду* (F)

Как видно, в первом предложении при выделении тематической группы в отдельную синтагму имеется топик, а во втором предложении, где слово *все* не выделено в отдельную синтагму есть только фокус, но нет топика. В третьем предложении – есть только два фокуса, топик отсутствует: 3. *Все расположились в саду* (F), *в тени старых яблонь* (F). Фокус может быть узким (если акцентировано одно слово или ударный слог этого слова и широким – если акцентирована группа слов как во фразе: *Все расположились в тени старых яблонь* (F)

Если сильные фразовые позиции являются наиболее благоприятными для реализации всех фонем в составе слова, то в слабых возможны разнообразные виды компрессии, причем степени этой компрессии могут быть различны. При максимальной степени компрессии слова *внимательно, институт, одиннадцать, свойственный* могут реализоваться как [н'има'т'эй], [нс'т'ту'т], [ад'и'нц], [сво'йс'н'й]. Авторы выделяют иерархию слабых позиций. Самыми слабыми, т.е. допускающими максимальную фонетическую деформацию слова, оказываются предтопикальные и постфокальные позиции.

Например:

1. Человек [ч'эк] с улицы, так сказать, первый встречный, не сразу разберется в ситуации. – предтопикальная позиция, сильно выраженная редукция.
2. Это бы совершенно необыкновенный человек [ч'эк] – постфокальная позиция – сильная степень редукции.
3. Ну что за человек – слово человек находится в фокусе высказывания, поэтому обычно не редуцируется.

В разговорно-бытовой речи, в отличие от официально-деловой, компрессированные формы возможны не только в слабых, но и в сильных фразовых позициях (щас/сейчас, чек/человек, тыща/тысяча).

Редукция различных по длительности сегментов слова может быть разной в зависимости от частеречной принадлежности слова. В монографии приводятся различия в подверженности редукции однокоренных прилагательных и наречий, т.к. они обычно соотносятся с разными позициями во фразе: наречия более коммуникативно нагружены и поэтому могут находиться в рематической группы, поэтому в парах *намеренно – намеренный, таинственно – таинственный* долгота **н** в безударной позиции в спонтанной речи сохраняется скорее в наречии, чем в прилагательном.

Относительно компрессированных форм слов в русской речи подчеркивается, что эти формы характерны не только для разговорной, но и для официально-деловой речи.

Спонтанная речь характеризуется неопределенностью и непредсказуемостью, фразовые позиции имеют вероятностный характер. Выделяются слова-компрессивы будем [бум], двадцать [два'ц], защищать [заш'ш'а'т'], сейчас [ш'ас], совершенно [шэн'а], очень [оч'], и др. Среди других компрессивов приводятся имена и отчества.

Представляют интерес компрессии суффиксов. Находясь в составе слова в фокусе высказывания, суффикс реализуется без компрессии, но в слабой фразовой позиции отмечается значительная редукция: Вы получите *непритязат'ное* (непритязательное) блюдо к обеду.

Для слов, претерпевающих в слабых фразовых позициях неполную компрессию, автор предлагает рабочий термин: частично компрессированные формы (ЧКФ): сколько [ско'к:], [пра'л'н']правильно.

Анализ компрессивов показал, что наибольшей устойчивостью в слабых фразовых позициях обладают ударные гласные и ключевые согласные, т.е. наиболее акустически выразительные, доминантные при восприятии: сибиланты, (свистящие и шипящие фрикативные), аффрикаты. Авторы приводят список устойчивых согласных, который является шире списка ключевых согласных (по Зиндеру). Этот список включает все щелевые, глухие и звонкие смычные, а также все сонанты. По наблюдениям Р. Касаткиной, однако, смычные и сонанты не относятся к числу ключевых т.к. в условиях компрессии они обычно утрачиваются, то же относится и к щелевым ф и х. Допустимую степень компрессии в отчествах определяет фонемный состав исходной формы, если в слогах, предшествующих ударному, отсутствуют ключевые согласные, наблюдается меньшая компрессия, и наоборот при наличии таких согласных в предударной части отчества возможна его максимальная компрессия: Осипович [Ощ], Александрович [Са'ныч], Алексеевич [Се'ич]. Отмечается, что максимальная компрессия наблюдается в отчествах, производных от частотных имен. И наоборот, в отчествах, производных от более редких имен, исходная форма которых включает ключевые согласные, компрессии предударной части обычно не происходит: Брониславович, Святославович,

Соломонович, хотя допускается возможность компрессии заударной части отчества. Генри[хы]ч, Эдуар[ды]ч, Серафи[мы]ч.

Методы анализа спонтанной речи

Экспериментально-фонетическое исследование предполагает серьезную подготовку материала, инструкций для аудиторов, проведение комплексного аудиторского анализа, статистическую обработку полученных данных, а также сопоставление и лингвистическую интерпретацию результатов. На первом этапе определяется проблема исследования, его цель и задачи, изучается теоретическая литература по теме исследования. В зависимости от целей и задач работы подбирается экспериментальный материал. Чаще всего для исследования спонтанной речи являются звучащие тексты: фрагменты радио- и телепередач, неподготовленные рассказы информантов и т.д. Это могут быть как монологические, так и диалогические высказывания. Интересным источником материала для экспериментально-фонетического исследования являются корпуса звучащей речи или речевые базы данных, представляющие собой структурированное множество речевых фрагментов, обеспеченное программными средствами доступа к отдельным элементам корпуса. Речевой фрагмент как базовая единица корпуса представляет собой оцифрованный фрагмент речевого сигнала, который сопровождается ассоциированной информацией определённого типа (типов). Такая информация называется также аннотацией к речевому фрагменту.

Звуковой корпус русского языка (создатели – ученые Санкт-Петербургского университета (<http://model.org.spbu.ru>)) состоит из двух основных модулей: «Один речевой день» и «Звукозаписи лингвистически сбалансированного материала». «Один речевой день» включает в себя звукозаписи речи носителей русского языка в течение одного или нескольких дней (реальная спонтанная речь) – 40 дикторов (20 мужчин, 20 женщин), 300 часов звучания, а также социологические и психологические анкеты каждого информанта. «Звукозаписи лингвистически сбалансированного материала» – записи, выполненные в условиях определенных коммуникативных сценариев (чтение, пересказ текста, описание картинки и т.п.), разной степени мотивированности/спонтанности – 100 дикторов разных социальных групп и профессий (модули: а) речь медицинских работников, б) речь юристов, в) речь студентов, г) речь преподавателей-филологов) [Звуковой корпус 2014].

При **слуховом анализе** используется метод орфографической записи и транскрипции. Для получения полной информации об акустической реализации естественной речи проводится орфографическая расшифровка записей с целью получить данные о семантике и синтаксической структуре исследуемых текстов. Выявление акустических особенностей речевого сигнала, обрабатываемого начальными уровнями слуховой системы производится путем акустико-фонетической транскрипции. Метод слухового анализа состоит чаще всего в последовательном прослушивании небольших (один слог) асемантичных фрагментов записей спонтанных текстов с одновременным анализом соответствующих им динамических спектрограмм. Такой метод позволяет принимать решение о качестве звука и фиксировать то, что на самом деле произносится в спонтанной речи и одновременно с этим – избегать субъективной оценки эксперта. Каждый фрагмент транскрибируется экспертом, затем затранскрибированные сегменты выборочно проверяются другими экспертами. Принята система транскрипции (таблица 1). При разметке используются маркеры для глухих пауз (pause), вдохов (inh), для неразборчиво произнесенных фрагментов (неразб), для одновременной речи нескольких дикторов и пр. Ударение обозначается знаком «+» после соответствующего гласного. Все проанализированные записи разбиты на межпаузальные интервалы и снабжены орфографической расшифровкой. [<http://www.narusco.ru/>].

Таблица 1. Транскрипция гласных

Гласные	Символы (латиница)		
	Между твердыми	После или между мягкого(ими)	Перед мягким
а	а	а:	aI
о	о	о:	oI
э	е	е:	eI
и	і	і	i
ы	Q	-	Q
у	u	u:	uI
шва	@	@	@I

Таблица 2. Транскрипция согласных

Согласные	Символы (латиница)	
	Глухие	Звонкие и озвонченные
ж	-	Z
ц	c	D
х	x	h
ч	C	G
ш	S	-
щ	\$	Z'

Транскрипция сочетаний слов

В процессе транскрибирования оказалось, что между словами иногда наблюдается стирание фонетической границы. В таких случаях сочетания слов признавались цельными самостоятельными единицами, и для их обозначения в орфографической расшивке использовался знак «_».[Венцов и др. 2004]. Оказалось, что свойства таких слов на грамматическом, семантическом, а также фонетическом уровнях полностью соответствуют свойствам неделимого слова. Эти слова характеризуются слитностью произнесения: например, то есть [teIs'], [tQs'] и др. Авторы отмечают, что «стирание» границ между словами может затрагивать и любые другие словоформы, если на их стыке оказываются два гласных или два согласных звука, реализующиеся как один [Нигматулина 2017].

Один из вариантов просодической транскрипции был разработан А.А. Кибриком и В.И. Подлеской (система просодически ориентированной дискурсивной транскрипции для устной русской речи). Позднее бы предложен ряд расширений, включающих обозначения различий между выделительными и тональными акцентами, более подробная разметка тональных акцентов, интервал движения тона в акценте, динамическое раздвоение гласных и др. [Кибрик, Подлеская 2009, Кибрик, Кодзасов, Худякова URL]. И.С. Кипятковой был разработан модуль транскрибирования, который позволяет создавать фонематические транскрипции для списков слов и текстов. Важной особенностью транскриптора является возможность описания фонетических явлений на стыках слов. Предложенный модуль транскрибирования позволяет создавать альтернативные транскрипции слов, учитывающие явления редукции и ассимиляции, возникающие в разговорной речи [Кипяткова 2012].

В статье А. Рыко и С. Степановой „Многоуровневая лингвистическая разметка Звукового корпуса русского языка“ описаны уровни разметки 14 лингвистических уровней:

1) Орфографический (Orthography) («рабочий» уровень, содержащий орфографическую запись (точнее, транслитерацию латиницей) анализируемой фразы);

2–4) Уровень пауз (Pause) и синтагм (Syntagma Ideal; Syntagma Real). (все отрезки от паузы до паузы, причем паузой считались все перерывы в звучании, а также заполненные хезитационные паузы).

При сопоставлении с уровнем Syntagma Ideal уровень Pause служит для установления возможных/невозможных мест для пауз хезитации; помогает фиксировать случаи «сцепления» синтагм – случаи отсутствия физических пауз между «идеальными» синтагмами, т. е. смысловыми (и интонационными) единствами; необходим для фиксации и описания случаев, когда слова, входящие по смыслу в одну синтагму, образуют интонационное единство с другой (например, союзы).

5–6) Уровни слов (Word Real) и «идеальных» слов (Word Ideal).

Word Real — уровень фонетических слов. Здесь учитываются все модификации звуков в потоке речи (например, озвончение глухих, оглушение звонких согласных в нехарактерных для этого позициях, спирализация смычных, оглушение сонантов, выпадение гласных и даже целых комплексов звуков).

Word Ideal — орфографические слова, записанные в фонематической транскрипции.

Сопоставление уровней Word Real и Word Ideal позволяет описать систему энклитик спонтанной речи, а также ее морфонологические особенности.

7) Gramform — уровень морфологической разметки.

Словоформы, границы между которыми установлены на уровне word ideal, получают грамматическую метку – им приписывается морфологическое значение согласно морфологической модели, представленной в «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка и грамматическом модуле программы starling (www.starling.rinet.ru), созданной С.А. Старостиным.

8–9) Уровни морфем (Morpheme Real) и «идеальных» морфем (Morpheme Ideal). Morpheme Ideal – членение на морфемы (по словарю А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой). Morpheme Real — реализация морфем в речевом потоке, т. е. морфы.

10) Уровень слогов (Syllabe).

В качестве рабочей гипотезы принимается, что все слоги в русском языке открытые (закрытые возможны только в абсолютном конце перед паузой или в конце синтагмы).

11) Уровень ударения (Stress).

На этом уровне в единую шкалу (от 1 до 4) объединены словесное и синтагматическое ударение: слог, являющийся интонационным центром синтагмы или акцентно выделенного слова, отмечается максимальным баллом (4), ударный слог остальных фонетических слов синтагмы – баллом 3, первая степень редукции безударных – 2, вторая степень редукции – 1.

12–13) Звуковые уровни представляют собой фонематическую (Sound Ideal) и фонетическую (Sound Real) транскрипции потока речи. Первая выполняется в соответствии с правилами, выработанными в рамках Санкт-Петербургской фонологической школы, учитывающей фонемную интерпретацию слов, произнесенных в полном типе, а вторая (фонетическая) транскрипция осуществляется на основе слухового анализа реального звучания с помощью знаков Международного фонетического алфавита

— звуки (sound real);

— фонемы (sound ideal).

14) Уровень повторяющихся акустических элементов.

При анализе звучащего текста на русском языке, в том числе и транскрибировании, авторы опираются на знания о фонетическом строе русского языка, о количественном и качественном составе фонетической системы и закономерностях ее функционирования в речи.

Одним из методов изучения фонетических свойств спонтанной речи является перцептивная интерпретация различных аспектов звучащей речи: интонационных характеристик речевых сообщений, слоговой структуры речи, оценка наличия редуцированных звуков и слогов [Степанова 2006, Рыко, Степанова URL, Риехакайнен 2008: 52-59, Риехакайнен

2010, Нигматулина, Риехакайнен 2011, Вольская 2005 и др.]. В качестве аудиторов в разных целях могут приглашаться: носители языка (нефонетисты), обучаемые русскому языку и преподаватели фонетики русского языка с большим опытом аудирования .

В нашем будущем исследовании редуцированных процессов в спонтанной речи предполагается использование слухового анализа с орфографической расшифровкой и последующей транскрипцией, и проведение экспертного анализа – специалистами-русистами. Проведение перцептивного анализа носителями болгарского языка, студентами-русистами в целях нашей работы, предполагает прослушивание и оценку спонтанной речи с последующей орфографической записью и элементами транскрибирования и сопоставлением с объективными акустическими данными (спектрографирование). Перцептивный анализ того же материала носителями русского языка позволит выявить различия в понимании текста и восприятии редуцированных сегментов, что позволит создать систему рекомендаций для создания учебника по аудированию.

Выводы:

1. Необходимость исследования спонтанной речи обуславливается тем, что наблюдающиеся в ней процессы могут в будущем стать нормой;
2. Особенностью спонтанной речи является сложность разграничения языковых уровней в исследовательских целях: необходимо включать факты разных языковых уровней;
3. Спонтанная речь характеризуется понижением роли классических языковых единиц – как фонетическое слово, синтагма, фраза и их фонетических границ;
4. В качестве основных единиц спонтанной речи ученые предлагают рассматривать ЭДС – минимальный шаг, на который за один раз продвигается говорящий в процессе порождения речи.
5. Исследования интонации и ее составляющих важно для определения единиц спонтанной речи, а также способствует интерпретации языковых явлений с позиций когнитивных процессов (порождения речи в реальном времени, планирование, автомониторинг);
6. В спонтанной речи замедления темпа связаны с семантической нагруженностью отдельных сегментов и, наоборот – ускорения темпа – с малой информативностью отдельных участков звуковой цепи. В сравнении с чтением темп разговорной речи несколько замедлен, что связано с неподготовленностью речи: обдумывание происходит как бы параллельно с речью;
7. Спонтанная речь характеризуется нисходящими и ровными тонами, нестабильным темпом, дробным синтагматическим членением;
8. Ритмическая организация спонтанной речи очень сложная и меняющаяся и характеризуется подвижным ритмом.
9. Для спонтанной речи характерно обилие разнообразных пауз, среди которых значительное место занимают паузы хезитации. Паузы играют в спонтанной речи и значительную ритмическую роль.
10. Чаще всего ритмо-мелодического оформления синтагмы в спонтанной речи характеризуется относительной незавершенностью;
11. В спонтанной речи наблюдается более высокая частотность фразовых выделительных акцентов, которые оформляют семантически нагруженные участки высказывания. Редукция различных фонационных сегментов от звука до части слова происходит чаще всего в малоинформативных участках при быстром темпе речи.
12. Спонтанный текст характеризуется большей дробностью его членения в сравнении с подготовленной речью, благодаря тому, что основным квантом смысла является ЭДС;
13. Редукционные процессы в спонтанной речи увеличиваются с увеличением темпа речи и обуславливаются направлением внимания на смысл высказывания и меньшим вниманием к его звуковой стороне;

14. Фонетические характеристики звуков в спонтанной речи обладают большей вариативностью по сравнению с литературным языком;
15. Несоответствие классической фонетической транскрипции основным характеристикам спонтанной речи вызвал необходимость создания специальной транскрипции и Перцептивного словаря спонтанной речи.
16. Принцип экономии и принцип избыточности обуславливают в значительной мере редуционные процессы в русской спонтанной речи.
17. Редукция гласных и согласных (в широком смысле слова) вызывает изменения фонетической структуры слов;
18. Можно выделить устойчивые и неустойчивые фонетические структуры для которых одними из наиболее важных факторов редукции оказываются частотность слов, количество слогов, частеречная принадлежность и темп речи.
19. Особое значение для редуционных процессов имеют фразово-интонационные условия реализации слов в потоке речи, а также наличие топики и количества фокусов.
20. Для спонтанной речи характерны слова-компрессивы и суффиксы-компрессивы

References:

1. **Aleksandrov 1988:** Aleksandrov L.G. Foneticheskaya realizaciya i vospriyatie naibolee chastotnyh slovoform russkoy razgovornoy rechi. *Fonetika spontannoy rechi*. Otv. red. N.D. Svetozarova. Leningrad, Izdatelstvo Leningradskogo universiteta, 117-132.
2. **Andreeva 2005:** Andreeva S.V. Elementarnye konstruktivno-sintaksicheskie edinicy ustnoy rechi i ih kommunikativnyj potencial: Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk // Saratov, 2005.
3. **Apushkina, Vencov, Slepokurova 2008:** Apushkina I.E., Vencov A.V., Slepokurova N.A. O foneticheskom slove // Trudy Vtorogo mezhdisciplinarnogo seminaru «Analiz razgovornoy russkoy rechi» (AR3–2008). SPb.: GUAP, 2008. S. 31–37
4. **Belickaya URL:** Belickaya A.A. O roli hezitacionnyh pazv v spontannoy rechi <http://philology.snauka.ru/2014/02/697>
5. **Bobrov 2013:** Bobrov S.P. Ritm // *Fundamentalnaya elektronnyaya biblioteka. Russkaya literatura i folklor*. 2013. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-7112.htm>. (data obrascheniya: 17.05.2018).
6. **Bogdanova 2001:** Bogdanova N.V. Zhivye foneticheskie processy russkoy rechi. *Posobie po speckursu*. SPb.: Izd-vo SPb. gos. un-ta, 2001.
7. **Bogdanova-Beglaryan, Sherstinova, Kisloschuk 2013:** Bogdanova-Beglaryan N.V., Sherstinova T.Yu., Kisloschuk A.Yu. Ritmoobrazuyuschie sredstva russkoy spontannoy rechi (k postanovke problemy) // Aktualnye voprosy teoreticheskoy i prikladnoy fonetiki: konf. k yubileyu O.F.Krivnovoy. M., 2013 <http://rfp.psu.ru/archive/2.2013/bogdanova.pdf>.
8. **Bogdanova-Beglaryan URL:** Bogdanova-Beglaryan URL. Kto ischet – vseгда li naydet? (o poiskovoy funkcii verbalnyh hezitivov v russkoy spontannoy rechi). <http://www.dialog-21.ru/media/1228/bogdanova-beglariannv.pdf>
9. **Bogdanova 2006:** Bogdanova N.V. O edinice opisaniya sintaksicheskoy struktury ustnogo spontannogo monologa: problemy, metodiki, gipotezy // ... Slovo otzovyotsya. Pamyati A.S. Shtern i L.V. Saharnogo. Perm: Izd-vo Perm. gos. un-ta, 2006.
10. **Bogdanova, Brodt 2007:** Bogdanova N.V., Brodt I. S. Spontannyj monolog: sintaksicheskie harakteristiki teksta i uroven rechevoj kultury govoryashego // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9 (Filologiya). Vyp. 1 (Chast I). Mart 2007 g., 35–43
11. **Bogdanova, Stepanova, Sherstinova 2011:** Bogdanova N. V., Stepanova S. B., Sherstinova T.Yu. Zvukovoj korpus russkogo yazyka: novyj podhod k issledovaniyu rechi// Materialy mezhdunarodnoj konferencii „Korpusnaya lingvistika – 2011“. Filol. Fak. SPb-go un-ta, 2011, 98-103. <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/Bogdanova-BeglarianNVetal.pdf>

12. **Bogomazov 2001:** Bogomazov G. M. Sovremennyy russkij literaturnyj yazyk : Fonetika : Ucheb. posobie dlya studentov vuzov. Moskva: VLADOS, 2001.
13. **Bolotova 2001:** Bolotova O.B. Opyt opisaniya svoystv spontannoj rechi. Byulleten Foneticheskogo fonda russkogo yazyka: Foneticheskie svoystva russkoj spontannoj rechi. № 8/2001, 45-48
14. **Bolotova 2005:** Bolotova O. B. Glasnye v spontannoj rechi i pri chtenii svyaznogo teksta (eksperimentalno-foneticheskoe issledovanie na materiale russkogo yazyka): Dis... kand. fil. nauk: 10.02.19. SPb., 2005.
15. **Bondarenko 1984:** Bondarenko L. P. Pauza kolebaniya i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya // Eksperimentalno-foneticheskij analiz rechi: Problemy i metody. – Vyp. 1. Leningrad, 1984, 58– 66.
16. **Bondarenko 1981:** Bondarenko L. P. Smyslovoe chlenenie spontannogo vyskazyvaniya i vospriyatie pazv // Fonetika i psihologiya rechi. Ivanovo, 1981, 42–51.
17. **Bondarko 2001:** Bondarko L. V. Spontannaya rech i organizaciya sistemy yazyka / L. V. Bondarko // Foneticheskie svoystva russkoj spontannoj rechi: Byulleten Foneticheskogo fonda russkogo yazyka / Pod red. L. V. Bondarko, M. Krauze. Sankt-Peterburg-Bohum, 2001, vyp. 8., 17-23.
18. **Bondarko, Verbickaya, Gordina i dr. 1974:** Bondarko L.V., Verbickaya L.A., Gordina M.V., Zinder L.R., Kasevich V.B. Stili proiznosheniya i tipy proizneseniya // Voprosy yazykoznanija. 1974. № 2. S. 64–70.
19. **Bondarko 2001:** Bondarko L.V. Spontannaya rech i organizaciya sistemy yazyka// Byulleten Foneticheskogo Fonda № 8 «Foneticheskie svoystva russkoj spontannoj rechi» / Pod red. L.V. Bondarko, M. Krauze, SPb, 2001, 17-23.
20. **Bondarko, Verbickaya, Zinder, Svetozarova, Shtern 1988:** Bondarko L.V., Verbickaya L.A., Zinder L.R., Svetozarova N.D., Shtern A.S. Vvedenie. Fonetika spontannoj rechi, pod red. N.D. Svetozarovoj, 1988, 4-14.
21. **Valitova 2010:** Valitova N.R. Osnovy teorii kommunikacii. Ch. 2, Omsk, 2010.
22. **Vasileva, Tananayko, Sherstinova URL:** Vasileva L.A., Tananajko S.O., Sherstinova T.Yu. Opredeleniya urovnya rechevoj kultury v raznyh tipah rechi. SPbGU, kafedra fonetiki, SPb. <http://phonetics.spbu.ru/?q=opredeleniya-urovnya-rechevoy-kultury-v-raznyh-tipah-rechi>
23. Wackernagel-Jolles B. „Nee also, Mensch, weißt du ...“ // Aspekte der gesprochenen Sprache. Diskriptions- und Qualifizierungsprobleme. - Göppingen, 1973, 159-182.
24. **Vahtin, Golovko 2004:** Vahtin N.B., Golovko E.V. Sociolingvistika i sociologiya yazyka: Uchebnoe posobie. SPb.: Izd-vo IC «Gumanitarnaya akademiya», 2004.
25. **Vencov, Slepokurova URL:** Vencov A.V. , Slepokurova N. A. Korpus russkogo yazyka. www.narusco.ru/PUBV005/.
26. **Vencov, Slepokurova, Riehakajnen 2011:** Vencov A.V., Slepokurova N.A., Riehakajnen E.I., Apushkina I.E., Koreshkova E.I. Iz opyta raboty s russkoj spontannoj rechyu: sozdanie foneticheski transkribirovannyh tekstov // X vyezdnyaya shkola-seminar «Problemy porozhdeniya i vospriyatiya rechi»: Materialy. Cherepovec: GOU VPO "Cherepoveckij gosudarstvennyj universitet", 2011. S. 169–179.
27. **Vencov, Slepokurova, Sinyugina 2011:** Vencov A.V., Slepokurova N.A., Snyugina E.A. Osobennosti pazvacii spontannogo i pročitannogo tekstov // Analiz razgovornoj russkoj rechi (AR3–2011): Trudy pyatogo mezhdisciplinarnogo seminar. SPb.: GUAP, 2011. S. 27 32.
28. **Vencov 2009:** Vencov A.V. Perceptivnyj slovar i avtomaticheskoe raspoznavanie rechi // Trudy tretogo mezhdisciplinarnogo seminar «Analiz razgovornoj russkoj rechi» (AR3–2009). SPb.: GUAP, 2009, 14–17.
29. **Vencov 2010:** Vencov A.V. Slovesnoe udarenie, sobstvennaya dlitelnost glasnyh i mentalnyj leksikon // Trudy Chetvertogo mezhdisciplinarnogo seminar «Analiz razgovornoj russkoj rechi» (AR3–2010). SPb.: GUAP, 2010. S. 10–11.

30. **Vencov 2010:** Vencov A.V. «Sostavnye slova» i perceptivnyj slovar // "Cherepoveckie nauchnye chteniya -2009: Materialy Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii". Cherepovec: GOU VPO "Cherepoveckij gosudarstvennyj universitet", 2010. S. 44–46.
31. **Volskaya 2005:** Volskaya N. B., Stepanova S. B. O nekotoryh problemah sintagmاتического chleneniya spontannogo teksta // XXX Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferenciya. Vyp. 10. Sekciya fonetiki. Ch. 1. SPb.: 2005.
32. **Volskaya 2004:** Volskaya N. B. O pauze i ne tolko o nej // Foneticheskie chteniya v chest 100-letiya so dnya rozheniya L. R. Zindera : sb. statej, pod nauch. red. L. B. Bondarko, SPb.: Filologicheskij universitet SpbGU, 2004, 129-136.
33. **Geylman 1988a:** Geylman N.I. Konsonantizm. Fonetika spontannoj rechi. Pod. Red. N.D. Svetozarovoj. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta. 27-56.
34. **Geylman 1988b:** Geylman N.I. Ellipsis. Fonetika spontannoj rechi, pod. Red. N.D. Svetozarovoj. Leningrad, Izdatelstvo Leningradskogo universiteta. 1988b, 68-77.
35. **Grishina 2005:** Grishina E.A. Ustnaya rech v Nacionalnom korpuse russkogo yazyka. // Nacionalnyj korpus russkogo yazyka: 2003-2005. Rezultaty i perspektivy. Moskva: Indrik, 2005, S.94-110.
36. **Gorlova, Slepokurova 2012:** Gorlova A., Slepokurova N. Redukciya predudarnyh komponentov slovoform v spontannoj rechi [v:] Analiz razgovornoj russkoj rechi (AR3–2012): Trudy shestogo mezhdisciplinarnogo seminaru, Sankt-Peterburg: GUAP, Grishina 15–20.
37. **Goroshko 1996:** Goroshko E.I. Osobennosti muzhskogo i zhenskogo verbalnogo povedeniya (psiholingvisticheskij analiz). Avtoref. dis. ... kand. filol. n. Moskva: Izd-vo In-ta yazykoznaniya RAN, 1996.
38. **Daragan 2000:** Daragan Yu.V. Funkcii slov-«parazitov» v russkoj spontannoj rechi // Trudy Mezhdunarodnogo seminaru «Dialog-2000» po kompyuternoj lingvistike i eyo prilozheniyam. M., 2000. S. 67-73=
39. **Dementeva 2011:** Dementeva M.K. Yazykovaya lichnost politika // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya». № 2., 2011.
40. **Dergacheva 2014:** Dergachyova L.A. Stilisticheskoe i zvukovoe svoeobrazie kvazispontannoj rechi // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya». – 2014. – № 2, 201 –208.
41. **Erofeeva 2003:** Erofeeva T.I. Vertikalnoe chlenenie yazyka: ob obektah socialnoj dialektologii // Problemy socio- i psiholingvistiki: Sb. st. / Otv. red. T. I. Erofeeva. Perm: Izd-vo Perm. gos. un-ta, 2003. Vyp. 3, 3-6.
42. **Erofeeva 2005:** Erofeeva E.V. Veroyatnostnye struktury idiomov: sociolingvisticheskij aspekt. Perm: Izd-vo Perm. gos. un-ta, 2005.
43. **Zhabin 2006:** Zhabin D.V. Formalnye priznaki spontannoj rechi govoryaschego v situacii stressa : dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19, Voronezh, 2006.
44. **Zaharov 2003:** L.M. Ziyaniya v russkom yazyke (foneticheskij aspekt) // Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tehnologii. Trudy mezhdunarodnoj konferencii Dialog'2003. Moskva: Nauka. 2003.
45. **Zvukovoy korpus 2013:** Zvukovoj korpus kak material dlya analiza russkoj rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast 1. Chtenie. Pereskaz. opisanie / Avt.: N.V. Bogdanova-Beglaryan (Bogdanova), I.S. Brodt, V.V. Kukanova, O.V. Pavlova (Ilichyova), E.M. Sapunova, I.A. Subbota, N.S. Filippova, N.A. Han, V.M. Chujko i dr. / otv. red. N.V. Bogdanova-Beglaryan. SPb.: Izd-vo SPb. gos. un-ta, 2013.
46. **Zvukovoy korpus 2014:** Zvukovoj korpus kak material dlya analiza russkoj rechi. Ch. 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza (T.1. O nekotoryh osobennostyah ustnoj spontannoj rechi raznogo tipa. Zvukovoj korpus kak material dlya prepodavaniya russkogo yazyka v inostrannoj auditorii /otv. red. N.V. Bogdanova-Beglaryan. SPb.: Filol. fa-kultet SPbGU, 2014.

47. **Zemskaya i dr. 1981:** Zemskaya E.A., Kitajgorodskaya M.V., Shiryaev E.N. Russkaya razgovornaya rech. Obschie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis. Moskva: Nauka Format, 1981.
48. **Ilicheva 1998:** Ilichyova O.V. Sintaksicheskie priznaki spontannoy rechi v sootnoshenii s socialnymi harakteristikami govoryaschego // Materialy XXVII mezhvuzovskoj nauchno-metodicheskoy konferencii prepodavatelej i aspirantov. Vyp. 2. Sekciya grammatiki (russko-slavyanskij cikl). 16-22 marta 1998 g. Tezisy dokladov, SPb.: Izd-vo SPb. gos. un-ta, 1998, 32-35.
49. **Kasaeva 2014:** Kasaeva Z.V. Ob osnovnyh chertah ustnoj spontannoj rechi (obschie zamechaniya) Vestnik MGOU. Seriya «Russkaya filologiya» 2014 / No 2, 60-68. <https://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/6982>.
50. **Kasatkin 2003:** Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Moskva: Izdanie MGU, 2003.
51. **Kasevich i dr. 2000:** Kassevitch V.B. et al. The simulation of continuous text perceptual segmentation: A model for automatic segmentation of written text // Language and Language Behavior. V. 3, Pt. II. SPb, 2000. P. 48–59.
52. **Kibrik, Podlesskaya 2003:** Kibrik A.A.; Podlesskaya V.I. K sozdaniyu korpusov ustnoj russkoj rechi: principy transkribovaniya // Nauchno-tehnicheskaya informaciya (seriya 2), 2003, 6, 5-11.
53. **Kibrik, Podlesskaya 2006a:** Kibrik A.A. Podlesskaya V.I. Problema segmentacii ustnogo diskursa i kognitivnaya sistema govoryaschego // V.D.Solovev (red.) Kognitivnye issledovaniya. Vyp. 1. Moskva: Institut psihologii RAN, 2006, 138-158.
54. **Kibrik, Podlesskaya 2006b:** Podlesskaya V.I, Kibrik A.A. Korrekciya v ustnoj monologicheskoy rechi po dannym korpusnogo issledovaniya // Russkij yazyk v nauchnom osveschenii. 2006.
55. **Kibrik i dr. 2008:** Kibrik A.A., Podlesskaya V.I., Daragan Yu.V., Efimova Z.V., Korotaev N.A., Litvinenko A.O., Cukanova V.L. Problema segmentacii ustnogo diskursa i kognitivnaya sistema govoryaschego // www.ksu.ru/ss/cogsci04/science/cogsci04/107.doc.
56. **Kibrik 2008:** Kibrik A. A. Est li predlozhenie v ustnoj rechi, A. V. Arhipov, L. V. Zaharov, A. A. Kibrik i dr. (red.), Fonetika i nefonetika. K 70-letiyu S. V. Kodzasova, YaSK, Moskva, s. 104–115.
57. **Kibrik 2010:** Kibrik A. A. Multimodalnaya lingvistika, pod red. Yu. I. Aleksandrova, V. D. Soloveva, Kognitivnye issledovaniya, IV, IP RAN, Moskva, 134–152.
58. **Kibrik 2015:** Kibrik A.A. Kognitivnyj analiz diskursa. Lokalnaya struktura. – V: Yazyk i mysl. Kognitivnaya lingvistika. Moskva, 2015, 595-635.
59. **Kibrik, Podlesskaya 2003:** Kibrik A.A., Podlesskaya V.I. 2003. K sozdaniyu korpusov ustnoj russkoj rechi: principy transkribovaniya // Nauchno-tehnicheskaya informaciya. Seriya 2-6. S.5-11.
60. **Kibrik, Podlesskaya 2009:** Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. Rasskazy o snovideniyah: korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa, YaSK, Moskva.
61. **Kibrik, Kodzasov, Hudyakova URL:** Kibrik A.A. Kodzasov S.V. Hudyakova M.V. Prosodicheskaya transkripciya: urovni detalizacii. http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/24.htm#_ftn1
62. **Kibrik, Molchanova 2014:** Kibrik A. A., Molchanova N. B. Kanaly multimodalnoj kommunikacii: otnositelnyj vklad v ponimanie diskursa. – V: Multimodalnaya kommunikaciya: teoreticheskie i empiricheskie issledovaniya. Moskva, 99–114.
63. **Kipyatkova 2012:** Kipyatkova I.S. Programmnyj modul ARTTranscriber-2 dlya avtomaticheskogo sozdaniya bazovyh i alternativnyh transkripcij slov.// 6 mezhdisciplinarnyj seminar «Analiz razgovornoj russkoj rechi » AR 3 – 2012, 27 – 28 avgusta 2012, g. Sankt-Peterburg http://phonetics.spbu.ru/corpora/AR3_2012.pdf.
64. **Krysin 1974:** Krysin L.P. Russkij yazyk po dannym massovogo obsledovaniya. opyt socialno-lingvisticheskogo izucheniya. Moskva: Nauka, 1974.

65. **Kodzasov, Krivnova 2001:** Kodzasov S.V. *Obschaya fonetika*, Moskva: RGGU, 2001.
66. **Komovkina 2010:** Komovkina E.P., Slepokurova N.A. *Analiz mezhpauzalnyh intervalov v spontannom tekste: predvaritelnye rezultaty // "Cherepoveckie nauchnye chteniya–2009: Materialy Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii". Cherepovec: GOU VPO "Cherepoveckij gosudarstvennyj universitet", 2010. S. 47–51.*
67. **Koltunova 2000 URL:** Koltunova M.V. *Yazyk i delovoe obschenie. Normy, ritorika, etiket*. Moskva: Ekonomika, 2000. URL <http://www.bibliotekar.ru/delovoe-obschenie/index.htm>
68. **KRR URL 1998:** *Kultura russkoj rechi: Uchebnik dlya vuzov, pod red. L.K. Graudinoj i E.N. Shiryayeva*, Moskva: NORMA-INFRA, 1998, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Gray/index.php (data obrascheniya 01.06.2018.)
69. **Krysin 1974:** Krysin L.P. *Russkij yazyk po dannym massovogo obsledovaniya. opyt socialno-lingvisticheskogo izucheniya*. Moskva: Nauka, 1974.
70. **Lapteva 1976:** Lapteva O.A. *Russkij razgovornyj sintaksis*. Moskva: Nauka, 1976.
71. **Lingvistika konstrukcij 2010:** *Lingvistika konstrukcij / Otv. red. E.V. Rahilina. M.: Azbukovnik, 2010.*
72. **Matusevich 1976:** Matusevich M. I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie*. Leningrad, 1976.
73. **Metlova URL 2014:** Metlova V.A. *Temp rechi v svobodnoj kommunikacii: sociolingvisticheskij aspekt. // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya, 2014, vyp 4.28* <https://cyberleninka.ru/article/v/temp-rechi-v-svobodnoj-kommunikatsii-sotsiolingvisticheskij-aspekt>.
74. **Naumov 2004:** Naumov V.V. *Lingvisticheskaya identifikaciya lichnosti // Foneticheskie chteniya v chest 100-letiya so dnya rozhdeniya L.R. Zindera. SPb.: Izd-vo SPb. gos. un-ta, 2004, 240-245.*
75. **Nigmatulina 2017:** Nigmatulina Yu.O. *Styazhenie zvukov na styke slovoform v zvuchaschej rechi (na materiale russkogo yazyka). // Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura, 2017, T.14, vyp.1, 76-87.*
76. **Nigmatulina, Riehakaynen 2011:** Nigmatulina Yu. O., Riehakajnen E. I., *Segmentaciya spontannoj rechi: vospriyatie styazhenij glasnyh na styke slovoform.- V: Problemy socio- i psiholingvistiki, vyp. 15: Permskaya sociopsiholingvisticheskaya shkola: idei treh pokolenij: K 70-letiyu Ally Solomonovny Shtern, Perm: [b. i.], s. 31–38.*
77. **Nigmatulina, Raeva 2015:** Nigmatulina Yu. O., Raeva O. V., 2015, *Issledovanie russkoj spontannoj rechi: novye metody – novye rezultaty*
78. **Nikolaeva 1970:** Nikolaeva T.M. *Novoe napravlenie v izuchenii spontannoj rechi (o tak nazyvajemyh rechevyh kolebaniyah) [obzor] // Voprosy yazykoznanija, 1970, 3. S. 117- 121.*
79. **Nikolaeva 2013:** Nikolaeva Yu. V. *Illyustrativnye zhesty v russkom diskurse. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk, MGU, Moskva.*
80. **Nikolaeva, Kibrik, Fedorova URL:** Nikolaeva Yu.V, Kibrik A.A., Fedorova O.V. *Struktura ustnogo diskursa: vzglyad so storony multimodalnoj lingvistiki.* <http://multidiscourse.ru/data/pub/nikolaeva%20et%20a%20dialog%202015.pdf>
81. **Podlesskaya, Kibrik 2004:** Podlesskaya V.I., Kibrik A.A. *Transkripciya ustnogo diskursa dlya nuzhd korpusnyh issledovanij //* <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Podlesskaja.pdf>
82. **Podlesskaya, Kibrik URL:** Podlesskaya V. I, Kibrik A.A. *Samoispravleniya govoryaschego i drugie tipy rechevyh sboev kak obekt annotirovaniya v korpusah ustnoj rechi.* http://iling-ran.ru/kibrik/Self-repair@NTI_2007.pdf
83. **Sizova URL:** Sizova O.B. *Znachenie izbytochnosti grammaticheskogo markirovaniya dlya processov porozhdeniya vyskazyvaniya.* <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-izbytochnosti-grammaticheskogo-markirovaniya-dlya-protsessov-porozhdeniya-vyskazyvaniya>.
84. **Potemina 1982:** Potyomina T. A. *O lingvisticheskoy znachimosti pauz v spontannoj monologicheskoy rechi i chtenii // Problemy kompleksnogo analiza yazyka i rechi. Leningrad, 1982, 179–187.*

85. **Riehakajnen URL:** Riehakajnen E.I. «Ostrova nadezhnosti» v russkoy spontannoj rechi. <file:///C:/Users/User/Downloads/riekha-14.PDF>.
86. **Riehakajnen 2010:** Riehakajnen E. Vzaimodeystvie kontekstnoj predskazuemosti i chastotnosti v processe vospriyatiya spontannoj rechi (na materiale russkogo yazyka): Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk, Sankt-Peterburg: SPbGU.
87. **Riehakajnen 2011:** Riehakajnen E., Nigmatulina Yu., 2011, Segmentaciya spontannoj rechi: vospriyatie styazhenij glasnyh na styke slovoform [v:] T. I. Erofeeva (otv. red.), Problemy socio- i psiholingvistiki. Sbornik statej, vyp. 15: Permskaya sociopsiholingvisticheskaya shkola: idei treh pokoleniy: k 70-letiyu Ally Solomonovny Shtern, Perm: Permskiy universitet, s. 31–38.
88. **Riehakajnen 2008:** Riehakajnen, E. I. Strategii vospriyatiya reducirovannyh slovoform (na materiale russkoj spontannoj rechi). V Nauchnye chteniya – 2006. Materialy konferencii. 13-14 noyabrya 2006. S.-Peterburg (str. 276 str., 52-59). Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
89. **Rozental 2008:** Rozental D. Spravochnik po russkomu yazyku. Slovar lingvisticheskikh terminov, Moskva: Oniks 21 vek.
90. **Russkaya razgovornaya rech 1983 URL:** Russkaya razgovornaya rech. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest. Moskva, 1983, 55-56.
91. **Russkaya fonetika v razvitii 2017:** Russkaya fonetika v razvitii. Foneticheskie «otcy» i «deti» nachala 21 veka. Pod red. Kalenchuk M., Kasatkinoj R. F. Yazyki slavyanskoj kultury. 2013 <https://www.ozon.ru/context/detail/id/20956024/>
92. **Ryko, Stepanova URL:** Ryko A.I, Stepanova S.B. Strategii chleneniya spontannoj rechi na sintaksicheskie edinicy URL <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/68.htm>
93. **Svetozarova 1988:** Fonetika spontannoj rechi, pod. red. N.D. Svetozarovoj, L.: LGU, 1988.
94. **Svetozarova i dr. 1988:** Svetozarova N.D. i dr. Prosodicheskaya organizaciya russkoj spontannoj rechi // pod red. Svetozarovoj N.D. Fonetika spontannoj rechi. Leningrad: LGU, 1988, 141-182.
95. **Svetozarova 2001:** Svetozarova N.D. Nekotorye osobennosti fonetiki russkoj spontannoj rechi. Byulleten Foneticheskogo fonda russkogo yazyka: Foneticheskie svojstva russkoj spontannoj rechi. №8/2001, 7-15.
96. **Stepanova 2011:** Stepanova S.B. Temp spontannoj russkoj rechi (po materialam Zvukovogo korpusa povsednevnogo obscheniya „Odin rechevoj den“) // Yazyk i rehevaya deyatelnost. SPb., 2010-2011, T. II, 204-214.
97. **Stepanova 2006:** Stepanova S. B. Sootnoshenie sintagmاتического i hezitacionnogo chleneniya v spontannoj russkoj rechi. –V: Innovacii v issledovaniyah russkogo yazyka, literatury i kultury. Plovdiv: Universitetsko izdatelstvo "Paisiy Hilendarski", 2006, tom 1., 95-103.
98. **Stepanova 2013:** Stepanova S. Speech Rate as reflection of speaker’s social characteristics.
99. **Tananayko, Vasileva URL:** Tananayko S.O., Vasileva L.A. Fonemnaya prinadlezhnost russkih glasnyh v pervoobraznyh soyuzah. <http://www.gramota.net/materials/2/2008/1-2/38.html>
100. **Timofeev 2013:** Timofeev L.I. Ritm // Fundamentalnaya elektronnaya biblioteka. Russkaya literatura i folklor. 2013. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le9/le9-7001.htm>. (data obrascheniya:17.05.2018).
101. **Tezekbaeva 2011:** Tezekbaeva G.A. Spontannaya rech kak obekt lingvistiki.// Vestnik VGU, Seriya Filologiya, Zhurnalistika, 2011, №1, 76-79.
102. **Torsueva 1990:** Torsueva I.G. Ritm //Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar /gl. red. V.N.Yarceva. Moskva: Sov. encikl., 1990.

103. **Ullakonoya 2005:** Ullakonoya R. Slog v russskoj spontannoj rechi i pri chtenii: struktura i dlitelnost. URL https://jyx.jyu.fi/bitstream/handle/123456789/12708/URN_NBN_fi_jyu-200526.pdf?sequence=1.
104. **Fedorova 1971:** Fedorova N.A. Vospriyatie udareniya v prostoj zvukovoj posledovatelnosti // Analiz rechevyh signalov chelovekom. L.: Nauka, 1971, 110–122.
105. **Filippovich URL:** Filippovich A. Yu. Foneticheskie osobennosti anglijskoj spontannoj rechi. http://studbooks.net/2106879/literatura/foneticheskie_osobennosti_anglijskoj_spontannoj_rechi.
106. **Fonetika spontannoy rechi 1988:** Fonetika spontannoy rechi / pod. red. N.D. Svetozarovoj. Leningrad: Izd-vo Leningr. gos. un-ta, 1988.
107. **Fonologiya spontannoy rechi 2000:** Fonologiya spontannoy rechi / Otv. red. L.V. Bondarko. SPb.: Izd-vo SPb. gos. un-ta, 2000.
108. **Cejtlin 2003:** Cejtlin S.N. Rechevye oshibki pri osvoenii russkogo yazyka kak rodnogo i inostrannogo: opyt sopostavitelnogo analiza // H Kongress MAPRYaL «Russkoe slovo v mirovoj kulture». Metodika prepodavaniya russkogo yazyka: tradicii i perspektivy. T. 2., SPb, 2003, 426-432.
109. **Shtern 1988:** Shtern A.S. Nekotorye statisticheskie karakteristiki russkoj spontannoj rechi. Fonetika spontannoy rechi, pod. Red. N.D. Svetozarovoj, leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta, 196-224.
110. **Scherba 1957:** Scherba L.V. O raznyh stilyah proiznosheniya i ob idealnom foneticheskom sostave slov. // Izbrannyye raboty po russkomu yazyku. Moskva, 1957, 21-25.
111. **Sherstinova 2010:** Sherstinova T.Yu. Ob izohronnosti strukturnykh edinic v spontannoj rechi (k postanovke problemy) // Materialy XXXIX Mezhdunar. filol. konf. 15-19 marta 2010 g. Sankt-Peterburg. Vyp.23. Polevaya lingvistika. Integralnoe modelirovanie zvukovoj formy estestvennykh yazykov /otv. red. A.S.Asinovskiy; nauch. red. N.V.Bogdanova. SPb., 2010,109-118.
112. **Cheremisina 1969a:** Cheremisina N.V. Stroenie sintagmy v russskoj hudozhestvennoj rechi.- V: Sintaksis i intonaciya. Ufa, 1969 a.
113. **Cheremisina 1969b:** Cheremisina N.V. Ritmiko-intonacionnaya struktura predlozheniya v russskoj hudozhestvennoj rechi. - V sb.: Sintaksis i intonaciya. Ufa, 1969 b.
114. **Cheremisina-Enikolopova 1999:** Cheremisina-Enikolopova N.V. Zakony i pravila russskoj intonacii: ucheb. posobie. Moskva: Flinta-Nauka, 1999.
115. **Chen 2016:** Chen Chen Russkaya spontannaya rech na nerodnom yazyke: analiz hezitaciy (na materiale russskoj rechi kitajcev).// Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya vyp. 1(33), 53-62. <http://www.rfp.psu.ru/archive/1.2016/cheng.pdf> .
116. **Yanko URL:** Intonaciya perechisleniya v russskom yazyke.// Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tehnologii: po materialam mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2017» Moskva, 31 maya - 3 iyunya 2017 <http://www.dialog-21.ru/media/3962/yankote.pdf>